УДК 316 DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-2-235-241

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ*

Сериков Антон Владимирович кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344022, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: aserikov@inbox.ru

Аннотация

В статье актуализируется проблема региональной идентичности, воспринимаемая российской молодежью как социокультурный маркер принадлежности к региональному сообществу, позиции регионального патриотизма и вовлеченности в региональную общественную активность. Автор полагает, что в нынешней ситуации региональная идентичность российской молодежи претерпевает изменения, связанные, во-первых, с ее статусом символической консолидации, во-вторых, с ростом готовности молодежи реализовывать различные политические акции в региональном сообществе. По мнению автора статьи, молодежный экстремизм «ассимилирует» региональную идентичность через стратегии мимикрии или присоединения к массовым акциям, вызванным кризисными явлениями в региональной социально-экономической жизни. Актуальным, делается вывод, является запрос на государственную молодежную политику «достижимых» проектов, соответствующих потенциалу молодежи в российских регионах и предлагающих новые возможности для самореализации.

Ключевые слова: *региональная идентичность, молодежный экстремизм, молодежная политика, региональный патриотизм, социокультурный маркер, самореализация, российская молодежь, социальное взросление, социальные действия.*

Российская молодежь характеризуется противоречивым статусно-ролевым положением в обществе. Являясь группой социального воспроизводства и социального развития, молодежь становится и группой социального риска, группой, ориентированной на принятие риска как сущностного свойства, выражаемого в социальной трансгрессивности. Отмечая это обстоятельство, можно говорить о том, что молодое поколение пытается в условиях социальной неопределенности реализовать на основе поведенческих и культурных паттернов автономные идентификационные стратегии. Здесь следует разграничить два концептуальных аспекта: социальное самоопределение молодежи вписывается в схемы социальной интеграции и социализации, и «риск» как готовность к социальным действиям, имеющим непреднамеренные, непредсказуемые, иррациональные последствия является поведенческой моделью молодежи в условиях неопределенности направленности, изменчивости жизненных приоритетов.

Для российской молодежи характерны в процессе реализации ее основных функций (воспроизводственной и инновационной) генерировать агрессивность, нигилизм, фанатизм, эксклюзию, что не содержит ценностного суждения «худшая молодежь», но соответствует трудностям становления молодежи в российском обществе, связанным как объективными, так и субъективными факторами, к которым можно отнести и неопределенность ее социальных идентификаций, то есть процесс социального взросления российской молодежи осложнен выбором базисной идентификационной модели и, как следствие, идентификационных стратегий. Парадокс состоит в том, что российская молодежь является носителем российского гражданства; подавляющее большинство молодых россиян испытывает лояльность к российскому государству, ощущает единство исторической судьбы, территории, языка, и, вместе с тем, на переход от декларированной приверженности к реальному социальному действию влияет фактор «конкуренции» этнической и региональной идентичностей.

* Статья выполнена в рамках внутреннего гранта ЮФУ № ВнГр-07 / 2017-22 «Трансконфликтные регионы как феномен геополитической конкуренции: социальные риски и ресурсы адаптации к гуманитарным вызовам».

В пространстве отечественной социологической мысли региональная идентичность описывается как осознание принадлежности личности к региону как территориальному и социокультурному образованию, куда включаются чувства «малой родины», «родного дома», «общности истории, культуры, кодов поведения».

Региональная идентичность содержит как позитивное, так и негативное влияние на социальное поведение молодежи, может стать источником «провинциализма», узости жизненных и культурных горизонтов, агрессивности и недоверия по отношению к «столицам», обоснование и принятие экстремального поведения, направленного на актуализацию норм «регионального патриотизма», «региональной самобытности», что сочетается с обидами и фобиями по поводу ущемленности прав жителей региона, его эксплуатации со стороны центра, ксенофобии по отношению к «чужакам».

В этом контексте исследование региональной идентичности как фактора влияния на молодежный экстремизм в российском обществе представляется актуальным, имеющим несомненное практическое значение для реализации эффективной молодежной политики как политики равенства возможностей, независимо от социально-территориального статуса, для нейтрализации и противодействия молодежному экстремизму, который инициируется как действиями политиков, разыгрывающих «региональную карту», так и социальной депривацией, как результатом депрессивного состояния региона, узости перспектив социального развития молодежи, доминирования «оборонительной» или агрессивной позиции по отношению к региональной политике государства. Таким образом, региональная идентичность становится субъективным фактором, определяющим границы молодежного экстремизма, его восприимчивости и распространения в региональной среде.

Российские исследователи сформулировали научный интерес к проблеме региональной идентичности еще в 90-е годы XX в., когда единство страны, новый социальный порядок и стабильность подвергались «атакам» не только со стороны этносепаратизма, но и «региональной фронды».

В условиях центробежных тенденций, инициируемых слабостью государства и амбициями региональных элит, складывалась ситуация «шантажа и сопротивления» действиям федеральных властей, которые имели ошибочный посыл в предложении «суверенности». Следует подчеркнуть, что в данной ситуации негативное значение оказывал социал-анархизм не в качестве идеологемы, а социально-практического чувства и отношения к государству и обществу через позицию дистанцирования, невмешательства или «взаимовыгодного нейтралитета». Иными словами, сформировался дискурс адаптивности, который не стал социальным, способным интегрировать молодежь в социетальную систему российского общества.

Как отмечает В.Г. Федотова, регионализм воспринимался паллиативом традиционности, сохранения социальной определенности в условиях разрушения или отсутствия интегрирующих ценностей и норм [1, с. 137].

Период восстановления и укрепления российской государственности, реконструкции единого общерегионального пространства стал для отечественной социологии поворотным пунктом в осмыслении региональной идентичности. В социологических исследованиях анализу подверглись принципы региональной политики государства, диагностика «государственной вертикали», формы и методы взаимодействия государственных и региональных институтов. Обнаружилось, что административные, организационные, правовые, финансовые методы влияния на развитие регионов приносят определенные позитивные результаты в контексте политической стабилизации, но и содержат ограничения, связанные с издержками унификации регионов, отсутствия достоверной социологической информации о социокультурном портрете регионального пространства, о настроениях в регионах по отношению к консолидации социального пространства России.

В работах В.В. Маркина, Н.И. Лапина, И.В. Рязанцева, А.В. Тихонова аргументировалась мысль о роли социокультурных факторов, включающих региональную идентичность в процессах конвергенции и дивергенции российских регионов [2, с. 7]. Оценка пространственного развития российского общества не может быть полной и достоверной вне определения влияния региональной идентичности в рамках формирования базовых ценностей, установок, взаимодействия с властными и гражданскими институтами молодежи.

В сложившейся ситуации молодежный экстремизм изучается в работах Ю.А. Зубок, В.И. Чупрова, М.К. Горшкова, Л.Е. Бызова, В.В. Ковалева, А.Н. Земляной с целью анализа последствий молодежного экстремизма для гармонизации отношений в региональном социуме, доверия к госу-

дарственной региональной политике, профилактике экстремизма и агрессивности в молодежной среде.

Ю.А. Зубок последовательно развивает мысль о молодежном экстремизме как дисфункциональности социальной регуляции и саморегуляции молодежи, ориентации на экстремальное поведение в условиях социальной аномии, а в приложении к региональному контексту – росте социальных рисков молодежи, сокращении перспектив трудоустройства, карьерных устремлений, качественного потребления и социальной самореализации.

Молодежный экстремизм, и с автором можно согласиться, требует профилактики в контексте регулярной целенаправленной работы социальных и властных институтов и, вместе с тем, очевидна необходимость в выходе за пределы структурного анализа при обращении к проблемам региональной идентичности в молодежной среде [3].

В фундаментальном исследовании «Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра» делается попытка осмысления региональной идентичности в соотношении с отмеченными формами идентичности по критериям распространенности, актуализированности, направленности. Основным выводом исследования является принятие региональной идентичности как составной части социальной макроидентичности в российском обществе, ее конкуренции и альянсирования с российской государственно-гражданской идентичностью. Важным для выстраивания концепта молодежного экстремизма в региональной среде является иерархия идентичностей, стимулирующих или нейтрализующих экстремальное поведение молодежи [4].

В рамках исследования данной проблемы логичным является определение операциональных понятий «региональной идентичности» и «молодежного экстремизма», что означает понимание региональной идентичности как социокультурного маркера молодежи, содержащего принадлежность к региональному социуму по критериям социального взросления, общности условий жизни, признания традиций и стереотипов повседневной деятельности, его отличий по сравнению с другими регионами.

Молодежный экстремизм в данном контексте квалифицируется в качестве гипертрофированности в проявлениях региональной идентичности, отчуждения или интолерантности по отношению к приезжим, чужим, легитимации на основе региональной идентичности социальной агрессивности и социального исключения. Таким образом, становится возможным исследование перехода от региональной идентичности, модели социального самоопределения к молодежному экстремизму, поведенческой стратегии, направленной на приверженность идее регионального супрематизма, от позиции регионального реванша, требований предоставления особых прав и преференций региону, до поддержки регионального сепаратизма в проекте, содержащем идею нового государственного образования [5].

«Летопись» молодежного экстремизма в России содержит реальность «люберов», «русских националистов», имевших региональный оттенок. «Люберы» представали в публичном дискурсе как парни с «рабочих окраин», испытывающих ненависть к неформалам и проповедующим брутальный стиль жизни, содержащий элементы ксенофобии, нетерпимости, социального расизма. В равной степени обращает внимание тот факт, что русский национализм, несмотря на столичную прописку, имел адресат в российских регионах (Екатеринбург, Самара, Воронеж). Казалось бы, бывшие на слуху экстремистские течения ушли в прошлое. В период становления массовых молодежных организаций в контексте контроля со стороны государственных институтов молодежной активности движение «Местные» внесло свой вклад в разнообразие региональной направленности деятельности молодежи, заявляя в качестве основных направлений экологию, антикризисную программу, участие в общенациональных образовательных и социальных проектах. Тем не менее, возникнув как альтернатива экстремистским настроениям в молодежной среде, на основе региональной привязанности, «Местные» проявляли активность в течение 2005-2009гг., в последствии уйдя в «никуда».

Очевидно, стремление придать государственной молодежной политике региональную направленность, охватить организационно активную молодежь в регионах снизилась в контексте постоянной смены приоритетов и проектов молодежной политики, конкуренции профессиональных молодежных активистов, конъюнктурных политических целей. Можно предположить, что противодействие молодежному экстремизму в российских регионах испытало эффект централизации, перехода к контролю и профилактике со стороны федеральных властных структур, использования административно-правовых процедур и недостатка финансирования региональных проектов.

Результаты социологических исследований по проблемам идентичности устойчиво фиксируют тренд восходящей российской идентичности, что внешне сокращает запрос на исследование «регионализации» молодежного экстремизма. Но становление российской государственно-гражданской идентичности происходит противоречиво. Потенциал ее стабильности и риски измеряется политическим самоутверждением и наращиванием символического капитала. В этом контексте действует парадигма поиска «взаимоприемлемых» компромиссов, баланса общероссийской, этнической, региональной идентичностей [6].

По отношению к региональной идентичности со стороны властных структур существуют сложности, связанные с тем, что если этническая идентичность закреплена в формуле «российский многонациональный народ» [4, с. 245], региональная идентичность, включая обязательность политического единства через концепцию единого общерегионального пространства России, испытывает дефицит аргументации в идентификационной иерархии. Признание культурного своеобразия, свойственного этнической идентичности, по отношению к региональной содержит локальность, этнографизм, ассоциируется с традицией, но не ориентирована на активность в региональном пространстве. Между тем, «вакуум» активизма в региональной идентичности восполняется «изобретаемой» традицией оборонительной идентичности. Одним из убедительных свидетельств того, что в молодежном экстремизме интегрируются и актуализируются негативные стороны региональной идентичности как ксенофобия, агрессия, региональный сепаратизм является включение региональной идентичности в программные установки и, реже, действия молодежных экстремистов.

Речь идет о том, что при многообразии молодежных организаций в российском обществе, насчитывающих 427 тыс. молодежных и юношеских объединений следует внести уточнение, связанное с тем, что в этом массиве реально действует 40 – 60% организационных структур, остальные существуют «на бумаге» по причине или бюрократического изобретательства, или эффекта самопредставительства, конструкта профессиональных молодежных активистов. В данном спектре молодежные экстремистские организации, к которым относят националистические, расистские, ультралевацкие характеризуются «скрытостью», стратегией «залпового» акционизма или присоединения к легально действующим молодежным структурам в контексте вербовки новых членов, политических провокаций, самопрезентации.

Схема категоризации молодежного экстремизма в регионах, воспроизводящая «кальку» столичных экстремалов, в некоторой степени устарела, так как молодежный экстремизм достаточно успешно мимикрируется под видом культурно-просветительских, неполитических, политико-просветительских структур и в этом контексте региональная идентичность становится брендом респектабельности молодежного экстремизма. В нынешней ситуации, которая характеризуется кризисными явлениями в жизни российских регионов, объективно молодежный экстремизм имеет источником «превращенную» региональную идентичность [7].

М.К. Горшков отстаивает слабую актуализированность противоречий между Москвой и «не-Москвой» в современном российском обществе, видит позитивную динамику. Однако, 43% населения в регионах считает, что Москва богатеет за счет остальной страны, а 27% полагают, что Москва – это не Россия, а иной мир [8, с. 141].

Если относительно первого суждения можно говорить о его социально-протестной направленности, то утверждение об «ином мире» способствует принятию региональной идентичности вне «общероссийской» составляющей, то есть региональная идентичность может восприниматься в качестве маркера «ущемленности», конкуренции, достоинства, порождающего экстремизм путем радикализации приведенных выше настроений. В чем состоит грань в переходе от «нормальности» региональной гордости или тревоги по поводу социально-депрессивного состояния в регионе от экстремизма, готовности действовать вне правовых рамок, конструировать «врага» в федеральном центре или региональных элитах?

Ответ исключает одномерное измерение: межрегиональные диспропорции являются фоновыми, стимулируя внутреннюю миграцию, которой подвержено до 40% молодых «регионалов», экстремизация молодежных организаций происходит на основе, с одной стороны, нежелания по добровольным или вынужденным обстоятельствам покинуть регион, устремляясь в поисках лучшей судьбы, с другой – трансформации недовольства, неудовлетворенности в радикальный образ действия, особенно это наблюдается на, казалось бы, не политическом направлении молодежной активности как экология. Разумеется, внешний катализатор – в ухудшении экологической ситуации в регионах, осложняемый «экспортом» отходов из столиц в региональное пространство.

Молодежный экстремизм проявляется в том, что защита экологии, здоровья населения становятся «пробивной силой» для экстремистских акций. В частности, наблюдается консолидация экстремистских групп молодежи, выступающих под националистическими лозунгами, с целью перехватить экологическую повестку, принявшую политизированный характер в российском обществе.

Учитывая парадоксальность суждения россиян о меньшем влиянии на политику местной и региональной властей по сравнению с жителями мегаполисов [9, с. 188], возникает ситуация, в которой молодежный экстремизм оказывается «востребованным» с позиции давления на власть, обретает сочувствие и симпатии со стороны молодежи тем, что активно включается в борьбу за сохранение экологии региона на фоне бюрократической медлительности общественных институтов и инерционности поведения старших поколений.

Таким образом, экстремизм может ассоциироваться с активной позицией молодежи, если не обращать внимания на готовность молодежных экстремистов формулировать «язык непонимания и ненависти». Не драматизируя ситуацию, не внося алармистские поводы, реально существует проблема, если не мобилизации, то возрастания симпатий к молодежным экстремистам, спекулирующим на экологической проблематике региона.

В вышеприведенных исследованиях фиксируется факт наименьшего недоверия главам регионов и органам местного самоуправления в кризисный период [9, с. 197]. Следствием является сокращение возможностей для обращения за поддержкой в развитии региона со стороны наиболее дееспособной и социализированной части населения и нарастание интенсивности экстремистских акций молодежи, характеризуемые бойкотом усилий местных и региональных властей и предпочтением позиции абсентеизма через распространение в молодежной среде «готовности к протесту».

Важно отметить, что для молодежных экстремистских организаций необязательным становится лидерство, программные установки, действуют сетевые технологии, нацеленные на массовизацию «мема», проведение «мгновенных» акций, имеющих часто символическое измерение, но в перспективе «материальной силы». Речь идет о том, что актуализируется чувство регионального патриотизма, которое содержит иррационально – чувственный эффект, основывается не столько на социальной информированности и компетентности в сфере региональной экологии или иных важных проблем, актуализируется негативная мобилизация с целью «решать самим свою судьбу».

В свою очередь влияние региональной идентичности на молодежный экстремизм дифференцируется в зависимости от социальных параметров развития регионального социума, опыта и разнообразия молодежных движений, степени «смычки» с политическими радикалами, стремящимися взять опеку над молодежью, укорененности региональной идентичности в настроениях молодежи и ее образах.

Слабая выраженность локальных идентичностей для молодежи (30-37%) [10, с. 200] не является константой, испытывает изменения в контексте углубления кризисных явлений в регионе, примечательно, что локальная (региональная) идентичность свойственна для социально-активной или социально апатичной молодежи. Социально апатичная молодежь ассоциирует региональную идентичность с «землячеством», чувством общности, взаимопонимания по отношению к выходцам из других регионов и не трансформируется в молодежный экстремизм.

Социально активная молодежь, являясь «потенциалом изменений», включается в региональную жизнь в контексте формирования субкультурных практик, вовлеченности в поиск регионального ценностного вектора, как символической консолидации, учитывая, что 70-75% молодых людей участвуют в той или иной субкультуре [11, с. 14]. В этом смысле проявляются региональные тренды, связанные с ростом политизированности, которая является следствием «бунтарского бекграунда» субкультур, практик здорового образа жизни, потребительского аскетизма. На этом фоне есть риск вовлеченности молодежи в экстремистские организации, которые культивируют «здоровье», «силу», «независимость» как любовь к региональной идентичности. Внешне нейтральная к экстремистским настроениям позиция создает возможности для принятия экстремизма, воплощенного в радикальном сопротивлении власти, конформизма, претензий на «заявку будущего» создает эффект солидарности, целью которой является мобилизация молодежи в форме участия или поддержки конфликта экстремалов с властью, где очень сложно обнаружить деструктивизм молодежного экстремизма.

Можно сделать вывод о том, что региональная идентичность усиливается в настроениях российской молодежи, хотя, казалось бы, в недавнем прошлом, что глобализация, урбанизация

делают архаичной принадлежность к региональному сообществу для современной молодежи. В идеале, региональная идентичность является составной частью общероссийской идентичности и занимает комплементарный статус в иерархии идентичностей молодого поколения.

Однако, напрашивается несколько другое: если мы анализируем молодежный экстремизм, обобщенным ориентиром которого является утверждение через конфликт с обществом и властью, приоритет дестабилизации и анархии с целью заявки на ведущую политическую силу, возникает достаточно сложная ситуация выбора молодежной политики и молодежной самоорганизации.

Плоды реализации современной молодежной политики при дефиците доверия молодежи как результату негативного опыта взаимодействия с конкретными госструктурами и чиновниками [12, с. 18] актуализирует запрос на принятие региональной идентичности молодежи в различных ликах молодежного патриотизма. Вероятно, было бы недопустимым отдавать молодежную карту политике на откуп экстремистам, несистемным политическим силам в российском обществе, чьи амбиции вносят риски в региональное развитие.

В перспективе регионализация национальных проектов, сопоставимых с региональной спецификой, позволяет надеяться на позитивно мобилизационный потенциал региональной идентичности у молодежи российских регионов. В этом смысле российская молодежь открыта для диалога с обществом и демонстрирует «системный» патриотизм.

Литература

1. На перепутье. М., 1999. 240 с.
2. Региональная социология: проблема консолидации социального пространства России. М., 2015. 621 с.
3. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Молодёжный экстремизм. сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 37 – 47.
4. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с.
5. *Чигрин В.А., Городецкая Е.Г.* Идентичность: особенности социологического дискурса // Caucasian science bridge. 2018. № 2. С. 71 – 78.
6. *Денисова Г.С., Сериков А.В.* Формирование российской гражданственности современной молодежи: о возможности синтеза российской идентичности, патриотизма и гражданской автономии // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. 2017. № 6. С. 73 – 82.
7. *Бедрик А.В., Зарбалиев В.З.* Факторы распространения молодежного экстремизма на юге России на современном этапе // Caucasian science bridge. 2018. № 1. С. 38 – 50.
8. Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя. М., 2018. 312 с.
9. Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. М.: Весь Мир, 2016. 400 с.
10. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К.Горшков [и др.]; отв. ред. Горшков М.К., Петухов В.В. М.: Весь Мир, 2015. 432 с.
11. Лики патриотизма очень разные // Огонек. № 48. 4 декабря 2017.
12. Не расстаться с комсомолом. Как устроена современная молодежная политика // Огонек. № 41. 29 октября 2018.

Serikov Anton Vladimirovich, PhD in sociology, associate Professor of theoretical sociology and methodology of regional studies, Institute of sociology and regional studies, Southern Federal University (160, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344022, Russian Federation).
E-mail: aserikov@inbox.ru

REGIONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF YOUTH EXTREMISM IN THE RUSSIAN SOCIETY

Abstract

The summary in the submitted article is updated the problem of regional identity perceived by the Russian youth as a sociocultural marker of belonging to regional community, a position of regional patriotism and involvement into regional public activity. The author of article believes that in a present situation the regional identity of the Russian youth undergoes the changes connected, first, with its status of symbolical

consolidation, secondly, with growth of readiness of youth to realize various political actions in regional community. According to the author of article, youth extremism "assimilates" regional identity through the strategy of a mimicry or accession to the mass actions caused by the crisis phenomena in regional social and economic life. Relevant, the conclusion is drawn, the request for the public youth policy of the "achievable" projects corresponding to youth potential in Russian regions, and offering new opportunities for self-realization is.

Keywords: *regional identity, youth extremism, youth policy, regional patriotism, sociocultural marker, self-realization, Russian youth, social growing, social actions.*

References

1. Na pereput'e. M., 1999. 240 s.
2. Regional'naya sociologiya: problema konsolidacii social'nogo prostranstva Rossii. M., 2015. 621 s.
3. Zubok YU.A., CHuprov V.I. Molodyozhnyj ekstremizm. sushchnost' i osobennosti proyavleniya // Sociologicheskie issledovaniya. 2016. № 5. S. 37 – 47.
4. Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra / ruk. proekta i otv. red. L. M. Drobizheva. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, 2013. 485 s.
5. CHigrin V.A., Gorodeckaya E.G. Identichnost': osobennosti sociologicheskogo diskursa // Caucasian science bridge. 2018. № 2. S. 71 – 78.
6. Denisova G.S., Serikov A.V. Formirovanie rossijskoj grazhdanstvennosti sovremennoj molodezhi: o vozmozhnosti sinteza rossijskoj identichnosti, patriotizma i grazhdanskoj avtonomii // Vestnik YUzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (Novocherkasskogo politekhnicheskogo instituta). Seriya: Social'no-ekonomicheskie nauki. 2017. № 6. S. 73 – 82.
7. Bedrik A.V., Zarbaliev V.Z. Faktory rasprostraneniya molodezhnogo ekstremizma na yuge Rossii na sovremennom etape // Caucasian science bridge. 2018. № 1. S. 38 – 50.
8. Stolicy i regiony v sovremennoj Rossii: mify i real'nost' pyatnadcat' let spustya. M., 2018. 312 s.
9. Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga chetvertaya / M.K. Gorshkov [i dr.]; pod red. Gorshkova M.K., Petuhova V.V. M.: Ves' Mir, 2016. 400 s.
10. Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraya / M.K.Gorshkov [i dr.]; otv. red. Gorshkov M.K., Petuhov V.V. M.: Ves' Mir, 2015. 432 s.
11. Liki patriotizma ochen' raznye // Ogonek. № 48. 4 dekabrya 2017.
12. Ne rasstat'sya s komsomolom. Kak ustroena sovremennaya molodezhnaya politika // Ogonek. № 41. 29 oktyabrya 2018.

УДК 316 DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-2-241-246

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ МЕТОДОЛОГИИ И ТЕХНОЛОГИЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Скуднова Татьяна Дмитриевна доктор философских наук, профессор кафедры психологии, Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (347936, Россия, г. Таганрог, ул. Инициативная, 48). E-mail: skudnovatd@yandex.ru

Аннотация

В статье раскрываются основные методологические ориентиры, векторы развития психолого-педагогического образования и современные антропопрактики и акметехнологии профессионально-личностного развития субъектов образования. Показана эффективность использования технологии коучинга для развития навыков самореализации и профессиональных компетенций студентов.

Ключевые слова: *методология образования, саморазвитие, субъектность, самоактуализация, творческая самореализация, рефлексия, инновационные технологии, антропопрактики, акметехнологии, коучинг, навыки и компетенции.*

Современное общество характеризуется скоростной изменчивостью и нестабильностью общественной жизни. Это проявляется в сверхдинамике социальных трансформаций, неуклонном ускорении всех общественных процессов. Изменчивость традиционных форм социальных процессов в современной России в значительной степени связана с модернизацией всех сфер